

САРА МУРХЭД

ТЕРАПИЯ БЕЗУМИЯ

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М91

Sarah Moorhead
THE TREATMENT

© Sarah Moorhead 2023. This edition is published by arrangement
with Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

Школа перевода
В. Баканова

Мурхэд, Сара.

М91 Терапия безумия / Сара Мурхэд ; [перевод с англий-
ского В. Тулаева]. — Москва : Эксмо, 2024. —
416 с. — (Ток. Пациент. Психиатрический триллер).

ISBN 978-5-04-202075-9

Грейс Гуннарсон — одна из лучших психиатров компании «Янус правосудие». Она работает над уникальным экспериментом по искоренению преступных наклонностей. Воздействуя особым образом на психику преступников, Грейс и ее коллеги добиваются потрясающего эффекта уже на первых двух этапах терапии.

Разумеется, бывают и сложные случаи — психопаты, маньяки. Именно для них предназначены третий и четвертый уровни терапии. Об этих уровнях мало что известно — только избранные владеют полной информацией. Но точно известно одно: они работают. Превращают психопатов в нормальных людей. Сюда-то и переводят Грейс как талантливого психотерапевта...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

- © Тулаев В., перевод на русский язык, 2024
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202075-9

*Посвящается моему отцу Терри,
когда-то давшему мне совет:
«Тянись к звездам — и доберешься до крыши».
Люблю тебя...*

Быть может, человек, выбравший зло,
в чем-то лучше человека доброго, но
доброе не по своему выбору?¹

*Энтони Берджесс,
«Заводной апельсин»*

---

¹ Пер. В. Бошняка.

Пролог

Двадцать семь лет назад

Грейс затихла, свернувшись клубочком в объятиях матери, словно эмбрион в утробе, и прижалась к ней всем своим маленьким тельцем. Она лежала в полудреме под колючим серым одеялом, мечтая, как позже выйдет играть с другими детьми в огороженный высокой стеной двор. Если они будут вести себя хорошо — получат разрешение сходить в огород. Наверное, ее зернышко уже проросло и зеленый побег проклюнулся над черной землей.

Скоро надзирательница Кейн откроет дверь с шипящим звуком — *свишиш...* Так Грейс ее про себя и называла: Свишш. Обычно мама ко времени прихода надзирательницы уже просыпалась и начинала кипятить маленький чайник, который Грейс трогать не дозволялось. Когда из носика, поднимаясь к окошку, вырывалась струя пара, Грейс воображала, будто следует за ней, выплывая из камеры и перебираясь через стены. Что за жизнь там, снаружи?

Снаружи... О, за стеной огромный пугающий мир, множество людей... Должно быть, среди них полно мужчин. Интересно, они тоже носят форму, как охранники в тюрьме?

В соседней камере запела Лотти — мама Реми. Здесь, среди женщин, Грейс чувствовала себя в безопасности.

Конечно, иногда они кричали и ругались — то между собой, то бранили детей. Могли и стукнуть. Все-таки дети бывают вредными, но вот Реми — очень добрый мальчик.

Наверняка он еще валяется на своей узенькой койке за стенкой, хотя скоро уже идти в класс. Опять будет смешить ее на уроке — каждый раз приходится делать ему замечания! Грейс всего пять, а алфавит она уже знает наизусть.

Реми на год старше. Кстати, его скоро выпустят. Тут такое правило: если о тебе некому позаботиться, то ты остаешься с мамой, пока не исполнится семь, а потом отправляешься в государственный интернат. Лотти выходит через полгода, так что им с Реми разлучаться не придется.

Мама сто раз уверяла Грейс, что они всегда будут вместе. Это здорово, потому что разлука с мамой даже на одну ночь вызывает настоящий ужас. Они не расставались никогда в жизни. «Не разлей вода», — часто повторяла мама и каждый раз смеялась. Иногда воровали, так что с того? Выживать ведь как-то нужно.

Мама никогда не пела, как Лотти, зато ее заразительный смех поднимал Грейс настроение и заставлял надеяться: все у них будет отлично.

Только не сегодня... Сегодня происходило что-то странное. Почему-то в их камере стояла жуткая тишина. Грейс сделала глубокий вдох и повернулась к маме лицом.

Никто ведь не спит с открытыми веками? Мамины были открыты, и зрачки ее синих глаз превратились в крошечные черные точки.

— Мам?..

Она коснулась пальцем материнской щеки и вздрогнула.

— Мама, просыпайся!

Свищи...

Грейс повернулась к двери.

— Привет, киска, — вздохнула надзирательница Кейн и вдруг остановилась как вкопанная. Не отрывая взгляда от мамы, крикнула: — Лотти!

Какой странный у нее тон... Совсем не такой, как обычно.

— Иду, надзирательница! — прозвучал из коридора мелодичный голос соседки.

Появившись на пороге, она тоже замерла, и ее глаза испуганно расширились.

— Забери ребенка, — тихо приказала Кейн.

— Реми уже с утра о тебе спрашивал, — зашептала Лотти, поднимая Грейс с койки.

Мамина рука тяжело упала на одеяло.

Реми спрашивал? Можно подумать! Он тот еще соня.

— Хочет тебе кое-что показать, — продолжала бормотать Лотти, нежно прижав Грейс к теплой мягкой груди. — Паука, Грейси! Самого большого паука в нашем блоке. Давай-ка поспешим, не то он удерет!

Надзирательница Кейн хрипло заговорила в свою рацию.

Медики? Какие медики? Те самые, что забрали маму Джей, когда она жутко визжала ночью?

Лотти впихнула Грейс в свою камеру и метнулась обратно в коридор. Реми поднял голову: волосы взъерошены, лицо заспанное, помятое, как и наволочка подушки.

— Что такое?

Открыв один глаз, он медленно уселся на кровати, оперся спиной о стенку и подтянул колени к груди.

В их блоке завывла сирена, заглушив завывания Лотти. В коридоре начали собираться женщины.

Реми потер глаза и похлопал ладонью по тюфяку. Забравшись на кровать, Грейс устроилась рядышком с приятелем, и тот укрыл обоих своим одеялом.

Как хорошо, тепло...

Она прикрыла глаза и попыталась выбросить из головы тревогу о маме, забыть о криках в коридоре и о тишине, наступившей после прихода медиков — мужчин в особой форме.

Через несколько минут — а может, через несколько часов — вернувшаяся Лотти присела на колени перед съезжившимися на кровати детьми.

— Фельдшеры ничего не смогли сделать, — со слезой в голосе заговорила она. — Твоя мама ушла еще до их прихода, ее уже было не спасти.

Грейс глянула на Реми, словно требуя разъяснений, и в его серых глазах мелькнула несвойственная ребенку мудрость.

— Я о тебе позабочусь, Грейси, — ушел он от ответа. — Клянусь, никому не дам тебя обидеть и ты никогда не останешься одна.

А у Грейс в ушах отдавались слова Лотти: *«Ее уже было не спасти...»* Пять слов будто выжгли в мозгу каленым железом.

Глава 1

Сегодня

Не такой смерти ожидал Брайан Корриган, не такой...

Уже давно — возможно, несколько лет подряд — он беспокоился, что угаснет от этого кошмарного рака в какой-нибудь больничной палате. Обезболивающее перестанет действовать, а хорошенькие медсестры будут невольно ему напоминать, какой прекрасный мир он покидает.

Еще наклеывался вариант тихо скончаться дома, в окружении любящей семьи. Ничего не вышло: Пола ушла раньше. Брайан вдовел уже двадцать лет, а детям жизнь отца была до лампочки.

На самом деле у него было много лет на обдумывание сценариев собственной кончины. Кто в его возрасте — девяносто три года, без семи сто, подумать только! — не размышляет о том, как все завершится? Любимую жену он потерял из-за сердечного приступа и все еще помнил лицо доктора, выложившего печальные новости. С тех пор мысли о смерти его не оставляли. Более того, Брайан ждал ее с нетерпением.

Только не такую... не настолько грязную и жестокую.

Он ненадолго задумался, в каком виде найдет его труп. Господи, как унижительно! Голова на пропитанной кровью подушке, пижама в бледно-голубую полоску, откиннутое на вторую половину кровати одеяло... Каж-

дый вечер со дня свадьбы — в следующем году юбилей, семьдесят лет! — Брайан аккуратно расправлял его для Полы. Машинально выполнял обычный ритуал и после ее смерти будто надеялся, что вот-вот она придет, досмотрев телевизионную программу, и, как обычно, ляжет рядом, источая аромат духов «Шалимар» и зубной пасты «Аквафреш».

Как же это вышло? Слух у Брайана ухудшился уже давно, вот он и не услышал, что в дом вломился посторонний; не слышал ни крадущихся шагов по лестнице, ни скрипа ведущей в спальню двери. Наконец проснувшись, со смятением и страхом обнаружил нависшую над кроватью фигуру.

Вроде бы еще недавно Брайан был молодым, полным сил строителем, вполне способным надрать задницу непрошеному гостю. Когда же он успел превратиться в трухлявое огородное пугало? Время шло, а с ним утекали силы — словно песок в песочных часах.

Такие мысли бродили в его голове, когда Брайан протянул взломщику тонкую пачку денег, зажатую в изуродованных артрите, покрытых старческими пятнами пальцах. Всегда хранил записку под тюфяком — не доверял ни странным банковским машинам, ни клеркам-роботам. Большинство граждан рассчитывались пластиковыми картами и биочипами — все верно, зачем нужны в наши дни наличные? Разве что покупать наркотики...

От денег взломщик отмахнулся.

— Тогда что вы хотите? Что?..

Голос Брайана от ужаса сорвался на тонкий писк. Первый шок миновал, и теперь его охватила самая настоящая паника.

— Что вам нужно? Я всего лишь немощный старик! Не убивайте меня...

Взломщик молчал.

По морщинистым щекам Брайана потекли слезы, почти скрывшие от него страшную картину: падающая сверху деревянная бита. Он бессильно выставил дрожащие руки навстречу дубинке.

В последние годы жизнь складывалась нелегко. Брайан совсем одряхлел и, потеряв Полу, безвольно и бесцельно плыл по течению. И все же сейчас в нем проснулся древний инстинкт самосохранения: он судорожно цеплялся за оставшиеся ему жалкие дни или годы. Впрочем, к инстинктам примешивалось и чистое упрямство — не так ему хотелось уйти из жизни, не от рук какого-то неизвестного ничтожества.

— Зачем вы это делаете? Пожалуйста, не...

Бита поразила цель с легкостью, с какой чайная ложка разбивает хрупкую скорлупу вареного яйца. Брайан еще услышал низкий издевательский хохот убийцы.

Только тогда до него дошло, чего хотел незванный гость.

Просто увидеть, как Брайан умирает...

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЛОНДОН

11:32

Я нахожусь у здания компании реабилитации правонарушителей «Янус правосудие». Сегодня утром здесь собрались толпы протестующих. Общественный гнев вызвало решение правительства одобрить спорную программу лечения под названием «Терапия отвращением», когда преступников заставляют оказаться на месте собственной жертвы.

Как выяснилось, тайные испытания ультрасовременного метода проводились в течение последних двух лет, однако включение правонарушителя в данную программу теперь